

Памяти Эмили Джейкобсон

Теплый ветерок в пальмовых ветвях, а я думаю о снеге
В дальнем краю, где бывало всякое,
Что связано с другой, невероятной жизнью.
Светлая сторона планеты движется во тьму,
И каждый город заснет в должный час,
А для меня, как и прежде, это слишком.
Слишком много этого мира.

Чеслав Милош, «Отдельные записи»

Часть первая

ТЕАТР

ГЛАВА 1

В луче голубоватого света стоял король. Шел четвертый акт «Короля Лира» в театре Элгин в Торонто. В начале, пока зрители только собирались, на сцене играли, хлопая в ладоши, три девочки — дочери Лира в детстве. Сейчас они появились вновь, изображая видения сумасшедшего короля. Лир тянул к ним руки, но девочки пробежали мимо, то и дело скрываясь в тенях. Актера звали Артур Линдер. Ему был пятьдесят один год; на его голове лежал цветочный венок.

— ...меня узнали?¹ — спросил Глостер.

— Я довольно хорошо помню твои глаза, — отозвался Артур, отвлекшись на маленькую Корделию... И тут все случилось.

Он пошатнулся, изменившись в лице, и хотел было коснуться колонны, но не рассчитал расстояние и ударился о нее ладонью.

— Что ниже пояса у них — Кентавр... — едва слышно прохрипел Артур неверную строку и прижал ушибленную руку к груди, словно раненую птицу.

¹ Здесь и далее «Король Лир» в пер. Б. Пастернака.

Мужчина в первом ряду поднялся с места; он учился на парамедика. Девушка этого мужчины потянула его за руку и прошипела:

— Дживан! Ты что творишь?!

Дживан и сам не понимал. Зрители за его спиной забормотали, чтобы он сел. К нему поспешил работник театра. С потолка над сценой начал сыпаться искусственный снег.

— И королек, и золотая мушка... — прошептал Артур. Дживан, отлично знавший пьесу, понял, что тот перескочил на двенадцать строк назад. — И королек...

— Сэр, — начал работник театра, — не могли бы вы...

Артуру Линдеру оставались считанные минуты. Он покачнулся, не видя ничего, и Дживан сразу понял: Артур уже не играет Лира. Дживан оттолкнул работника театра и бросился к ступенькам, ведущим на сцену. По проходу бежал второй билетер, и Дживану пришлось лезть наверх безо всяких ступенек, хоть сцена и оказалась выше, чем он ожидал. В рукав вцепился работник театра; Дживан его отшвырнул. А снег пластиковый, отстраненно заметил он. Прозрачные кусочки липли к пиджаку и задевали кожу. Эдгар и Глостер отвлеклись на поднимающуюся суматоху и не смотрели в сторону Артура, который припал к фанерной колонне и неподвижно глядел перед собой. За кулисами кто-то кричал; к сцене поспешно приближались две тени. Дживан успел подхватить потерявшего сознание актера и бережно опустил его на пол. Артур не дышал. Две тени — охранники — замерли в нескольких шагах, осознав, что Джи-

ван — отнюдь не обезумевший поклонник. Зрители шумели. В темноте мелькали вспышки телефонных фотокамер, раздавались возгласы.

— Господи Иисусе, — охнул Эдгар. — Боже...

Британский акцент исчез, и теперь он говорил как типичный житель Алабамы, откуда и был родом. Глостер стянул марлевую повязку, что закрывала половину его лица — к этому моменту персонаж уже лишился глаз, — и оцепенел, безмолвно открывая и закрывая рот, словно рыба.

У Артура не билось сердце. Дживан начал искусственное дыхание и непрямой массаж. По чьей-то команде опустился занавес — зашуршавшая ткань отрезала зал и приглушила свет на сцене. Пластиковый снег все продолжал падать. Охранники исчезли. Бело-голубую снежную выюгу прорезал яркий свет флуоресцентных ламп. Дживан молча работал, временами поглядывая на лицо Артура. Пожалуйста, думал Дживан, ну давай. Глаза Артура оставались закрытыми. Ткань дернулась, пропуская кого-то на эту сторону, и рядом с Артуром на колени опустился мужчина в сером костюме.

— Я кардиолог. Уолтер Джейкоби.

Стекла очков зрительно увеличивали его глаза; на макушке назревала лысина.

— Дживан Чоудхари.

Он не знал, сколько уже там пробыл. Рядом сновали люди, но все казались смутными, далекими — все, кроме Артура и подошедшего мужчины. Словно бушует ураган, думал Дживан, а вокруг нас затишье.

Уолтер бережно коснулся лба актера, будто родитель, успокаивающий горячечного ребенка.

— Вызвали «скорую», — сообщил он.

Опущенный занавес создал на сцене неожиданно интимную атмосферу. Дживан вспоминал, как давным-давно в Лос-Анджелесе брал у Артура интервью, когда работал журналистом. Мелькали мысли и о Лауре — ждет ли она на своем месте в первом ряду или вышла в холл? Пожалуйста, дыши, пожалуйста, умолял Дживан и думал о том, как занавес стал четвертой стеной и сцена из пространства, заполненного переходами и светом, где любой может проскользнуть незаметно, превратилась в обычную комнату, пусть и огромную. Какая глупая мысль, вдруг одернул себя Дживан, не будь идиотом. В основании шеи закололо от внезапного ощущения, что за ним наблюдают.

— Вас сменить? — спросил Уолтер.

Осознав, что кардиологу неловко от собственного бездействия, Дживан кивнул и убрал руки с груди Артура. Уолтер продолжил делать массаж сердца.

Нет, не совсем комната, размышлял Дживан, осматриваясь. Слишком много переходов, темных пятен между кулисами, не видно потолка. Скорее, вокзал или аэропорт, где точно так же туда-сюда снуют люди. Прибыла «скорая» — сквозь ни к месту падающий снег приближалась пара врачей в темной форменной одежде — мужчина и женщина, похожая на подростка. Они оттеснили Дживана и, словно два ворона, склонились над лежащим актером. Поднявшись, Дживан отступил назад. Колонна, о которую ударился Артур, была гладкой на ощупь — дерево, полированное и окрашенное под камень.

Кругом толпились люди — рабочие сцены, актеры, безымянные служащие с папками-планшетами.

— Господи, — расслышал Дживан, — да остановит кто-нибудь этот чертов снег?

У занавеса, держась за руки, плакали Регана и Корделия. Эдгар сидел неподалеку, скрестив ноги и прижав ладонь ко рту. Гонерилья тихо говорила по мобильному; накладные ресницы отбрасывали на лицо тени.

На Дживана никто не смотрел — наверное, его роль в этом представлении подошла к концу. Врачи, судя по всему, тоже оказались бессильны. Дживан захотел найти Лауру. Скорее всего, она, расстроенная, ждет его в фойе; возможно — только возможно — она восхищена поступком Дживана.

Снег наконец остановился — вниз упали последние пластиковые «снежинки». Дживан начал искать ближайший выход со сцены, когда услышал всхлипы — слева, у соседней колонны, плакала девочка, которую он заметил ранее, маленькая актриса. Дживан видел пьесу уже четырежды, но в постановках никогда не участвовали дети, поэтому сегодня этот ход показался ему весьма оригинальным. Девочке было лет семь-восемь. Она постоянно вытирала глаза, смазывая макияж тыльной стороной ладони.

— Разряд, — произнес медик, проводя дефибрилляцию. Его коллега отошел.

— Здравствуй, — обратился Дживан к девочке и присел рядом.

Она не сводила с медиков глаз. Почему ее никто не увел?.. Дживану не приходилось иметь дела с детьми, хотя подумывал уже и о собственных, и не знал, как с ними разговаривать.

— Разряд, — повторил медик.

— Не надо туда смотреть, — сказал Дживан.

— Он умрет? — всхлипнула девочка, почти задышав от рыданий.

— Не знаю.

Артур лежал без движения даже после двух разрядов. Уолтер сжимал его запястье и мрачно смотрел куда-то вперед, пытаясь нащупать пульс.

— Как тебя зовут?

— Кирстен, — ответила девочка. — Кирстен Реймонд.

Сценический макияж на ее личике смотрелся странно.

— Кирстен, а где твоя мама?

— Она забирает меня только в одиннадцать.

— Объявляем время, — произнес медик.

— А кто же тогда за тобой присматривает?

— Пастушка Таня.

Девочка по-прежнему смотрела на Артура. Дживан сдвинулся, загородив его спиной.

— Двадцать один час четырнадцать минут, — проговорил Уолтер Джейкоби.

— Пастушка? — переспросил Дживан.

— Ее так называют, — ответила Кирстен. — Она за мной следит.

Справа подошел мужчина в костюме и что-то быстро сказал медикам, которые укладывали Артура на каталку. Один пожал плечами и откинул ткань с лица Артура, чтобы надеть кислородную маску. Притворство ради семьи актера, сообразил Дживан, иначе они узнают о смерти Артура из вечерних новостей. Трогательно.

Дживан поднялся на ноги и протянул руку хлюпающей носом девочке.

— Пойдем, поищем Танью. Она, наверное, сама тебя высматривает.

Что, конечно, вряд ли — Таня уже нашла бы свою подопечную. Дживан повел девочку за кулисы. Мужчина в костюме исчез. Кругом царил хаос — все снова-ли туда-сюда, шумели. Раздавались громкие просьбы пропустить каталку. Уолтер держался у изголовья. Процессия прошла по коридору к служебному выходу, и всеобщий шум только усилился. Люди плакали, звонили по телефону, сбивались в группки и раз за разом пересказывали друг другу случившееся («Значит, поворачиваюсь я, а он уже падает...»); одни отдавали распоряжения, другие не обращали на них внимания.

— Сколько же тут людей, — произнес Дживан. Он не очень любил толпу. — Видишь Танью?

— Нет, не вижу.

— Тогда лучше останемся на месте, она сама нас найдет.

Такой совет давала брошюра о том, что делать, если заблудишься в лесу. Дживан уселся на один из стульев у стены. Оттуда он видел неокрашенную заднюю часть фанерных декораций. Рабочий подметал искусственный снег.

— А с Артуром все будет хорошо? — Кирстен забралась на соседний стул и стиснула в кулачках ткань платья.

— Буквально только что, — сказал Дживан, — он делал то, что любил больше всего на свете.

Такой вывод Дживан сделал из интервью, которое прочитал месяц назад. Артур беседовал с газетой

«Глоб энд мэйл»: «Всю жизнь ждал, когда достаточно состарюсь для роли Лира. Для меня нет ничего любимей игры на сцене, ощущения, что все происходит здесь и сейчас...» Странные слова. Артур, как правило, играл в кино, а кто в Голливуде жаждет постареть?

Кирстен молчала.

— В том смысле, что раз уж эта роль стала его самым последним делом, — проговорил Дживан, — то в этот момент он был счастлив.

— А это стало его последним делом?

— Думаю, да. Мне жаль.

Снег успели смести в небольшую сверкающую кучку.

— Я тоже больше всего на свете это люблю, — через некоторое время сказала Кирстен.

— Что любишь?

— Играть на сцене, — пояснила она.

Из толпы вдруг вынырнула заплаканная девушка и протянула к малышке руки. На Дживана девушка даже не посмотрела. Кирстен же, прежде чем уйти, оглянулась.

Дживан вернулся к сцене. Его никто не останавливал. Он почти ожидал увидеть Лауру в центре первого ряда — а сколько вообще прошло времени?.. — но зрителей уже не было. Уборщики подметали полы и собирали оброненные программки. На спинке кресла висел забытый шарф. Дживан покинул зал, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Он набрал номер Лауры. Тщетно. Она выключила телефон на время представления и, очевидно, до сих пор не включила.

— Лаура, — обратился Дживан к голосовой почте, — я в фойе. Ты где?

Задержавшись у дверей женского туалета, он выяснил у работницы театра, что там пусто. Затем еще раз обошел фойе и направился к гардеробу. На крючках оставалось совсем немного одежды, в том числе полупальто Дживана. А вот синее пальто Лауры уже пропало.

На Янг-стрит опускался снег. Дживан вздрогнул, когда увидел его — эдакий отголосок прозрачных кусочков пластика, которые до сих пор поблескивали на пиджаке. У служебного входа дежурило с полдюжины папарацци. Артур уже не так интересовал публику, как раньше, но за его фото все равно можно было выручить денег. Особенно теперь — он ввязался в эпический бракоразводный процесс то ли с моделью, то ли актрисой, которая изменила ему с режиссером.

До недавнего времени Дживан и сам работал папарацци. Он надеялся тайком проскользнуть мимо, однако эти люди с профессиональным чутьем замечали подобные уловки и тут же его обступили.

— Неплохо выглядишь, — обратился один. — Модное пальтишко.

Дживан был одет в двубортное полупальто — не такое уж теплое, зато отличающее его, как и планировалось, от бывших коллег, которые предпочитали дутые куртки и джинсы.

— Где пропадаешь?

— Работаю барменом, — ответил Дживан. — Учусь на парамедика.